

— В августе Беднажевский телетайпировал из ИЗМИРАНа, что с нашими документами на поездку в ГДР всё в порядке и надо получить подтверждение приглашения от немцев. Я обменялся с Вагнером телеграммами, в которых мы окончательно согласовали время нашего с Кореньковым приезда: 24 сентября сроком на две недели.

— 18 сентября мы выехали "Янтарём" в Москву. Прибыли в столицу на следующий день в час дня. На Белорусском вокзале сдали в камеру хранения свои чемоданы и отправились в ИЗМИРАН. Поселились в гостинице, сходили в гастроном - купить что-нибудь на ужин, и в "Книжник" - купили себе по экземпляру только что вышедшего сборника "Исследование ионосферной динамики" под моей редакцией, который я сдавал в печать перед отпуском. Вечером смотрели футбол по телевизору и распили две бутылки сухого.

— Всё это я переписал из блокнота, в котором ежевечерне записывал хронику нашей заграникомандировки. Дальше всё оттуда же, иначе бы я всех деталей, конечно, не запомнил.

20 сентября. Бегали по ИЗМИРАНУ. Сдал на экспертизу нашу статью со Смертиным "Исследование зависимости характеристик внутренних гравитационных волн от параметров источника", подготовленную для "Геомагнетизма и аэрономии". Этой статьей Смертин фактически завершал работу по получению материала для кандидатской диссертации, осталось её написать. У Коломийцева - учёного секретаря института - оставил заявление с просьбой допустить Смертина к сдаче кандидатского минимума по специальности "геофизика". У Лепилина - главбуха - выяснил, что ИЗМИРАН оплатит нам лишь дорогу от Калининграда до Москвы и обратно, остальное оплачивают Президиум Академии Наук (дорогу в ГДР и обратно) и немцы (пребывание там у них). У Натальи Чмырёвой узнал, что билетов пока ещё нет, за ними и за загранпаспортами надо ехать завтра в Президиум АН. Известно только, что выезжаем мы поездом Москва-Берлин 23-го и прибываем в Берлин 24-го. Телеграфировал об этом Вагнеру. Договорились о срочном изготовлении слайдов с наших графиков, построенных по самым свежим результатам. Наде Сергеевко растолковал, почему задробил как рецензент её работу для "Геомагнетизма и аэрономии", что в ней (работе) неверно. На что мне Надя ответила, что она не шибко расстраивается, поскольку сунула эту работу в очередной зевакинский сборник в издательстве "Наука". Вечером распили с Юрой бутылку водки - обмыли открытку из ВАК, уведомлявшую об утверждении его учёной степени кандидата физматнаук. Второй остепенённый в обсерватории.

— **21 сентября.** Утром поехали в Президиум Академии Наук. В комплексе старых домишек на Ленинском проспекте один из них занимало Управление внешних сношений, точнее, его часть, ведающая сношениями с соцстранами. Там нам нужно было явиться к некоему Гулеринову. Его то не было, то был занят, и мы прооколачивались у дверей его комнатухи больше часа. Наконец, он нас принял и дал две бумажки, на которых были указаны номера зданий и комнат, где нам дадут справку для Внешторгбанка на валюту, билеты на поезд и загранпаспорта. Ещё он сообщил, что в ГДР мы должны уведомить о своём приезде посольство, а по возвращении представить ему, Гулеринову, два отчёта: один краткий - в течение трёх дней, и один подробный - в течение месяца. По строгой форме. Чего-то ещё он нас наставлял, забыл уже, а главное, чем он нас озадачил и очень расстроил: все рукописные, печатные и иллюстративные материалы, включая слайды, но кроме оттисков опубликованных работ, должны сопровождаться специальным разрешением Главлита (цензуры), без которого эти материалы просто не пропустят таможенники на границе. А мы таких материалов собирались везти прорву: все свои свежие, неопубликованные результаты на слайдах, и - главное, что хотели получить от нас немцы, - распечатки программ и подробные рукописные описания к ним. С

опубликованными-то материалами они и так познакомятся. Позвонили в Главлит - нельзя ли срочно пропустить через них. Оказалось, что нужны, первым делом, акты экспертизы на все бумажки из ИЗМИРАНа. Стало ясно, что это дохлый номер. Что делать - пока не решили.

— Справку для Внешторгбанка на обмен валюты для обоих выписали на моё имя, выдали билеты "туда" на поезд № 35 Москва-Берлин и "обратно" без указания поезда. Это всё быстро. А вот за загранпаспортами (служебными, в синих корочках) простояли минут сорок. Их выдали в обмен на наши обычные паспорта.

— Разделавшись с Президиумом, перекусили на Ленинском проспекте в занюханной забегаловке: дожевали свою брынзу и сало, оставшиеся с поезда ещё. Поехали к Белорусскому вокзалу закупить водку с собой - разрешается по две бутылки на брата. Водку там почему-то не нашли, поехали за ней в Елисеевский. Стояли в водочный отдел полчаса (давали жвачку и сигареты "Ява"). С болгарскими сигаретами в Москве оказалось плохо, я затарился для себя и на сувениры "Явой". В ГДР, слышал, сигареты дорогие. Закупили сахар и чай, чтобы не тратить "там" на это валюту. Отвезли всё в камеру хранения, распихали в чемоданы, и Кореньков отбыл в Дубну к своим приятелям по альпинизму, отдал мне свои обменные 300 рублей, а я отправился во Внешторгбанк менять наши рубли на марки. Была пятница, а билеты у нас были на воскресенье, и оставшееся свободное время мы собирались провести независимо.

— Внешторгбанк оказался на Ленинградском проспекте, недалеко (две-три троллейбусные остановки) от Белорусского вокзала. У дверей толпился народ - очередь, внутрь пускают понемногу, чтобы не толклись у окошек. Простоял на улице полчаса, впустили, подошёл к окошку, протянул туда справку из Президиума и деньги - 600 рублей, своих и Юриных.

— Паспорта, - сказали мне из окошка. Я протянул свой загранпаспорт.

— И вашего товарища тоже.

— Я опешил. - А его-то зачем? Справка же на моё имя выписана!

— Нам нужно у себя его паспортные данные записать.

— Но у меня нет его паспорта.

— Езжайте за ним.

— Но я не знаю, где он сейчас.

— Ищите. Или получайте валюту только на себя. Всё. Следующий!

— Я аж вспотел. Вот это номер! Начинается поездочка. Где же я Коренькова буду искать? Адреса его знакомых в Дубне у меня нет. Вернётся он оттуда прямо к поезду в воскресенье, когда Внешторгбанк закрыт. Может, он ещё не уехал?

— Где здесь стоянка такси поблизости? На Белорусском? - Я бросился к троллейбусу. На стоянке такси у Белорусского вокзала народу оказалось, разумеется, тьма-тьмуца. Но подвернулся левак, который согласился за два рэ отвезти меня на Савеловский вокзал (недалеко от Белорусского, кстати).

— На Савеловский я примчался в 16.15. Ближайшая к этому моменту электричка на Дубну ушла в 15.30, но на неё Кореньков вряд ли успел, не на такси же он сюда ехал. Следующие отправлялись в 17.35 и 18.08. Я решил околачиваться у перрона, надеясь перехватить Коренькова. Но он так и не появился ни к одной из этих электричек. Прозевать его я не мог. Обе электрички я перед отходом просмотрел от головы до хвоста, пройдясь по всем вагонам. Значит, уехал в 15.30 или вообще передумал.

— Слоняясь у Савеловского, я сообразил, что надо делать. Послал срочную телеграмму в Ладушкин Нине Кореньковой, чтобы она телеграфировала мне на адрес Бирюковых, который сообщил ей тут же в телеграмме, дубненский адрес Коренькова, а ему телеграфировала, чтобы он завтра же привёз свой паспорт мне к Бирюковым, иначе валюту не получит. После этого я отправился к Бирюковым, куда явился совершенно без ног. Майечка была в театре, мы с Генной играли в шахматы. К полуночи принесли телеграмму от Кореньковой, в которой она сообщала адрес их приятелей в Дубне и что

послала Юрке телеграмму, чтобы он ехал к Бирюковым. Но адрес Бирюковых в её собственной телеграмме был написан неверно: указан Большой Васильевский переулок вместо Большого Власьевского, как надо. Правда, её телеграмма всё же дошла по адресу, на почте сообразили, как видно. А вот сообразит ли Кореньков? И мы с Геной поперлись ночью на дежурный телеграф на Калининском проспекте, откуда я послал Коренькову телеграмму, что ехать надо в Большой Власьевский, а не Васильевский переулок.

— **22 сентября.** С утра пошёл на Смоленскую площадь - это рядом с Бирюковыми - в знаменитый "Гастроном № 1", где простоял два часа за копчёной колбасой - опять же с собой взять питаться, купил растворимый кофейный напиток "Летний" (кофе с овсом или ячменём, но мне этот суррогат нравится) с той же целью и торт для Майечки. Вернулся около двух часов дня. Коренькова нет. Начал нервничать и пошёл давать в Дубну ещё телеграмму. Пришёл обратно - Кореньков у Бирюковых. Уф! Вздохнул, наконец, с облегчением. И предъявил ему квитанции телеграмм рублей на шесть, в которые мне обошлась его поездка в Дубну, не считая ещё двух рублей на левака.

— Оказалось, что он получил только Нинкину телеграмму, в которой был указан Б. Васильевский переулок. Утром он отправился в Москву, мои телеграммы его уже не застали. На Арбате (а он знал, что Бирюковы живут где-то рядом с Арбатом) ему сказали, что Большого Васильевского переулочка в округе нет, а есть Большой Власьевский. Пошёл туда и встретил ... Гену, но не совсем был уверен, что это Гена, да и Гена его не узнал (они мало очень были знакомы: Кореньковы приехали в Ладушкин, когда Бирюковы уже собирались в Очаков, а жили Кореньковы теперь в бывшей бирюковской квартире). Кореньков пошёл за предполагаемым Геной и пришёл в назначенную ему квартиру.

— А на Савеловском мы не встретились потому, что Кореньков уехал на электричке, следовавшей не до Дубны, а до Б. Волги - это немного не доезжая до Дубны, его приятели как раз там, а не в самой Дубне живут. Электричка на Б. Волгу отошла в 16.30, то есть через 15 минут после того, как я появился на вокзале. Проверь я её и нашёл бы Коренькова.

— Пообедали и мы с Юрой поехали во Внешторгбанк. Получили свои марки. Зашли рядышком в гастроном и купили целую сырокопченую ногу свиную по два сорок за килограмм. Теперь мы были обеспечены жратвой - колбасой и этой ногой, куревом, чаем, кофейным напитком, сахаром и водкой на своё житьё в командировке и марками на барахло жёнам и детям.

— Вечером обсуждали, как быть со слайдами, программами и их описаниями, машинописными копиями последних наших статей, сданных в печать, но ещё не опубликованных. Слайды разрезали и распихали по книжкам - авось, не найдут. Остальное решили везти по нахалке. Не знали, мол. И действительно, ведь не знали до последнего момента. Жаль, конечно, если описания программ отберут, они в единственном экземпляре и составить их заново - большая работа. Ну да чёрт с ним. Иначе без этих материалов всякий смысл в нашей поездке пропадает. Не туристами же едем, а в командировку.

— Перед сном писали пулю втроём. Гена нас ободрал: Коренькова на две бутылки пива, меня - на семь. В процессе писания пули выпили две бутылки креплёного.

23 сентября. Утром после завтрака Гена обучал нас игре в покер. Потом обед, магазины: запаслись пивом (шесть бутылок) и хлебом на дорогу. На вокзал приехали впритык, а по перрону с чемоданами уже пришлось бежать: вагон был в голове поезда. Уселись, осмотрелись. Купе как у нас в "Янтаре" - фирменном поезде Калининград-Москва. Поехали. Поездка в загранкомандировку началась. Посмотрели расписание до Бреста. Остановки: Вязьма, Смоленск, Орша, Минск, Брест. В Брест прибываем в 01.50. В купе кроме нас мужчина до Вязьмы, женщина до Орши. До самого Бреста мы тряслись - проскочит наша "контрабанда" или нет?

—Наконец, Брест. Первыми прошли пограничники и отобрали наши паспорта. Вслед за ними - таможенники, молодые ребята. Прощемпелевали наши таможенные декларации и пошли дальше. Багаж наш не вызвал у них никакого интереса. Неужели пронесло?

—Потом долгая процедура смены колёс. Каждый вагон поднимают домкратами, вместо российских колёс для широкой колеи ставят европейские для узкой и опускают вагон на эту узкую колею, которая идёт внутри широкой. Всё это под крышей вокзала.

—Переезжаем на Варшавскую сторону Бреста. Пограничники возвращают паспорта со штампами. Трогаемся. Пограничная полоса вдоль берега Буга. Аккуратно засыпана песочком. Колючая проволока, как положено. Пересекли её. Прощай, родина!

—Переправа через Буг. 03.35. И через 10 минут остановка - Тересполь. Пограничный пункт на польской теперь уже стороне.

—Польские таможенники, возглавляемые бойкой сердитой девушкой в пилотке. На нас даже не взглянули. А вот в соседнем купе надолго застряли. Там какие-то поляки везли из Москвы цветной телевизор. Якобы подарок (им подарили). Галдёж длился минут десять. Чаще других было слышно одно слово: - Нотариально, нотариально... - Видать, дарственная не была заверена нотариусом, так мы с Кореньковым поняли. Но телевизор в купе остался. Пошлину, наверное, содрали.

—Быстро прошли польские пограничники, поставили свои штампики в паспорта, практически не заглядывая в них. Поехали дальше. По Польше. Легли спать примерно в полпятого утра. С плеч окончательно свалилось беспокойство за слайды, описания и прочую контрабанду.

—**24 сентября.** До Варшавы от Бреста езды около трёх часов. Но на час опоздали. Про то, что в Польше поезда никаких расписаний не выдерживают, вагоны грязные и всё такое, я слышал ещё от своих родителей. Но ехал, во всяком случае, в чистом вагоне, правда, не польском. Спали мы часов до восьми. Как проснулись, уставились в окно. Сразу бросились в глаза разноклеточные аккуратно возделанные поля единоличников, лошади на них, во дворах и на дорогах. На дорогах ещё клопики всех цветов - польские "фиаты".

—Перед Варшавой долго стояли. Прямо напротив нашего вагона кошка рожала. В Варшаве были в 9 утра. Следующий крупный город - Познань. Я его благополучно проспал, сказался ночной недосып. Около пяти вечера по московскому времени - переправа через Одер. Всю Польшу пересекли с востока на запад примерно за 12 часов неспешной езды.

—Франкфурт на Одере - большой красивый город. Немецкие пограничники. Интересуются только своими соотечественниками.

—И через час - Берлин. Опоздали на полчаса.

—На вокзале нас встречали Матиас (который был с Вагнером в ИЗМИРАНе) и Зигфрид - шофёр. На "Москвиче" (институтском) поехали в Потсдам. По дороге объяснялись с Матиасом по-русски, а изредка я обращался к Зигфриду с доступными мне немецкими фразами типа "Сколько километров до Потсдама?" или "Сколько людей живёт в Потсдаме?", он вроде бы понимал меня.

—Из этого разговора мы с Кореньковым выяснили, что Потсдам - бывшая резиденция прусских королей, главный город Потсдамского округа, то есть, по-нашему, областной центр. Население около ста тысяч. Расположен почти вплоты к Берлину, являясь фактически его пригородом, но со стороны Западного Берлина, который мы сейчас и объезжаем, так что приходится делать крюк в пятьдесят километров. Эти километры мы преодолели за 45 минут и подкатили к подъезду блочной пятиэтажки.

Слева дом, в котором мы поселились, сентябрь 1979 г.

- Здесь вы будете жить в отдельной квартире, - сказал Матиас. - Это специальная гостиничная квартира, которую арендует институт. А остальные люди здесь в других квартирах - обыкновенные жильцы.

Матиас открыл ключом дверь подъезда, мы поднялись на второй этаж в "нашу" квартиру. Это был первый приятный сюрприз, мы думали, что нас поселят в гостинице. Квартира однокомнатная, небольшая, но весьма благоустроенная и уютная. Кухонка маленькая, но удобная, со встроенной кухонной мебелью, наполненной посудой и прочей необходимой утварью. Газовая колонка для подогрева воды. Работает отлично. Небольшой холодильник. Матиас зачем-то начал ковыряться в нём и сломал что-то. В комнате пол устлан поролоновым ковром, по которому очень приятно ходить босиком. Телевизора нет - в починке. Выключатели все светящиеся, и в подъезде, и в квартире. Очень удобно. (В подъезде и на лестнице свет загорается на две минуты. Звонки во все квартиры выведены наружу, то есть к уличной двери. На лестнице идеальный порядок и чистота. На лестничных площадках выставлена обувь для улицы.) В шкафу оказалась пепельница, полная монет в один пфеннинг (треть нашей копейки), имелась и советская мелочь. Оказывается, нашим предшественником в этой квартире был Мишин (старший), из Иркутска.

Вторым приятным сюрпризом, который преподнёс нам Матиас, оказалось наше командировочное содержание. До сих пор мы не представляли, из каких денег и сколько нам придётся платить за гостиницу, питание, разъезды, располагая примерно по тысяче марок каждый, которые мы получили в обмен на свои триста рублей, и ещё тридцатью рублями, которые разрешалось обменять на марки здесь в ГДР. Никаких командировочных мы не получали, нам выдали только билеты туда и обратно, а что означает "содержание за счёт приглашающей стороны", что в него входит - выяснить так и не удалось, и вот теперь, наконец, выяснилось.

Матиас выдал нам по 325 марок каждому и разъяснил, что это и есть наши командировочные. За квартиру нам платить не надо, оплачивает институт. Питаться мы будем сами из этих денег. На двухнедельную кормёжку их хватит с избытком, так что сможем ещё и сэкономить (тем более с учётом привезённых с собой съестных припасов). Наши же обменные деньги мы можем смело отоваривать на что нам надо.

Ну что ж, отлично.

— Затем Матиас повёл нас представиться к "старшему по дому", старому антифашисту, который дружелюбно приветствовал нас и сказал, чтобы обращались к нему, если что понадобится. Потом в сопровождении Матиаса пошли за хлебом и маслом в ближайший продовольственный магазин, который, к счастью, был ещё открыт. Как сообщил Матиас, большинство магазинов в будние дни работает до 18.00 местного времени, лишь некоторые до 19-ти, в субботу - все до 12-ти, а в воскресенье все выходные. Вообще в ГДР суточный цикл сдвинут на более ранние часы: работать начинают в семь утра по местному времени, а десять вечера соответствует нашей полночи.

— В заключение "вечера встречи" мы с Матиасом прогулялись пешком до центра города. От "нашего" дома двадцать минут хода. В центре распрощались с Матиасом, проводили его до трамвая. Поглазели на витрины. Товар есть. Поудивлялись на пешеходов. Улицы пустынные, движения практически нет. На перекрёстке перед красным сигналом светофора стоят несколько человек и терпеливо ждут, когда загорится зелёный, хотя машин ни справа, ни слева не видать, как и милиции. И ни один человек не дёрнется даже перейти дорогу на красный.

— Немецкий порядок!

— Домой вернулись также пешком, пришли буквально без ног. Распили полбутылки водки. Решили, что всё идёт прекрасно, и заснули, как убитые.

— Да, а до того завели общую кассу расходов на питание, в которую для начала внесли по 12 марок.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)